

Дик П. Ф.

*кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры общеобразовательных дисциплин,
Костанайский инженерно-экономический университет
им М. Дулатова, г. Костанай, Казахстан*

АГРЕССИВНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Представлено служение как «зелёный» аспект духовной жизни.

Ключевые слова. Агрессивность, активность, духовность, религия, служение

Peter Dyck

AGGRESSIVENESS AND ACTIVITY OF A PERSON

*Presented a ministry as a “green” aspect of spiritual life
Aggressiveness, activity, spirituality, religion, ministry*

Факты агрессивности являются формой социокультурного выражения человеческой активности, типичные для потенциальной и/или актуальной конфликтной ситуации. Угроза — демонстрируемая или предполагаемая — в поведении другого вызывает определённый ответ стереотипного поведения. Агрессивность как инстинкт самосохранения, видимо, неизбежен и даже необходим для поддержания конкурентной среды в качестве стимула к активной, духовной и телесной, жизни индивида и группы.

Мы разделяем веру К. Лоренца в необходимость любить всех людей и что люди «...станут способны выполнять это величайшее и прекраснейшее требование подлинной Человечности» [1, с. 270]. Смягчение агрессивности человека до качества любви ко всем людям, полагаемое учёным лишь в будущем, посредством видовой эволюции, достойно раздумья.

Как сочетать любовь ко всем людям с ненавистью к определённым делам конкретных людей, здесь и сейчас, а значит и применительно к прошлому-будущему? Перенаправление естественной агрессивности, по К. Лоренцу, на разумную активность в спорте, искусстве, науке; надежда на тонкий юмор в основе перспективной религии будущего... Перенаправить природный инстинкт, значит поддерживать и развивать

Дик П. Ф.

агрессивность вида согласно конкретному духовно-нравственному канону. С изменением в системе ценностей, контролируемая агрессивность превращается в стихию; «тому в истории мы тьму примеров сыщем». Разумный отбор биолога Лоренца, производный от изменчивости и отбора естественной эволюции, на деле есть категорический императив духовности — ценностные смыслы дуализма добра и зла, — как достижение в философском поиске истины. Тот самый императив, который К. Лоренцу представляется утопией.

Напряжённость-интенсивность духовно-нравственной активности как норма бытия личности — вот наш ответ. Духовность не бывает однозначной; она — качество, а не измерение. Духовность есть ответственный поиск. В этом поиске мы, вопреки утверждению К. Лоренца, можем любить на деле и осуществляем свою любовь ко всем людям своими же умом, чувствами. Собственным духовно-культурным поведением. В противном случае, не было бы агрессивно-активного человечества с его вечными проблемами.

М. Элиаде интерпретирует агрессивность в контексте исследования преемственности исторических религий. «Любая форма, выходящая на передний план, старается стать всем и вся, распространить свою власть на весь религиозный опыт в целом» [2, с. 150]. Изначальную агрессивность любой религиозной формы Элиаде видит в захвате элементов из чуждых ей других религиозных форм и усвоении, трансформации их, исходя из своей агрессивной природы. Процесс рационализации представлений из формы религии, осуществляемый в поиске истины избранным меньшинством, философами в том числе, ведёт к секуляризации священного. Итак, М. Элиаде понимает степени агрессивности в качестве природы активности не только религиозных форм, но и других сфер культуры.

Ценностный аспект агрессивности можно проследить в суждениях исследователей духовно-конфессиональной конверсии. Два из пятидесяти мотивов общения-перехода в иную конфессию связаны с религиозной верой [3, с. 357]. Исследуемые видят (или не видят) агрессивность в связях между членами семьи, в оценках последователями элементов традиционной и иной конфессии. Для сохранения согласия в обществе, реабилитационные центры ставят перед собой многосложные благие задачи, в том числе «преодолеть религиозную безграмотность» населения. Идея борьбы с безграмотностью, видимо, вошла в евразийский мифотип. Однако, преодоление в духовности есть ценностная активность, в том числе агрессивность. Умение населения читать, СССР как читающая страна массового атеизма стали одним из условий трансформации

официальной системы ценностей в сжатые сроки; людям всего лишь предложили альтернативные мнения в открытой печати. Прямая агрессия в оценках советского и постсоветского преодолевается. Появились солидные полевые исследования и теоретические изыскания, в которых признаются неоднозначные процессы в духовной жизни сообществ стран Евразии. Исследователи, в частности, отметили факт несоответствия между идентификацией с верующими и своим поведением у большинства населения; феномен называют «квазирелигиозной культурой» [3, с. 240].

Живой опыт двух старших поколений в очередной раз подтверждает необычайную ценность культуры глубинной, осмысляющей духовности.

Человеческие духовность и общение неразделимы. Интерпретируя одно, мы неизбежно затрагиваем другое. Религия в прямом смысле слова — общение человека с высшим, — сущностная характеристика духовности и общения. Религия как конфессиональность — одна из культурных форм духовности-общения. Религия как система взглядов на мир и место человека в мире — исторический, наряду с мифом и философией, тип мировоззрения.

Разделяя мысль о тесной связи мифа и религии, мы различаем их по главному признаку: вера в чудо, как необычное в обычном, характеризует миф; вера в священное, понимаемое качеством мира сверхъестественного, есть признак религии. В слитной культуре нет самостоятельных феноменов (форм, типов). Поликонфессиональная религия как одна из форм культуры становится возможной в дифференцированной культуре; миф господствует в повседневности, в обыденной сфере духовной жизни любой культуры.

Феномен, именуемый учёными «квазирелигиозной культурой», есть реальия евразийского мифотипа, есть общий поиск единой основы духовной укоренённости в условиях недавней утраты стандарта общения-духовности. Подтверждением тому, что человечество научается жить естественной для него, и в этом смысле «зелёной» духовной жизнью, полагаем очевидный факт: евразийское сообщество преодолевает второй за век общий духовный кризис без «горячей» межнациональной войны и, в отличие от первого, без войны гражданской. В аспекте понимания противоречивости духовной жизни важно уточнить: искусство возбуждения вражды и ненависти между другими для решения своих задач на планете за век значительно возросло. Запреты из проекта И. Канта по достижению вечного мира, даже перемирия кажутся наивными. Сегодня нет ресурса, который бы не использовался сразу, целиком и полностью в качестве агрессии-инструмента безыскусного достиже-

ния целей во имя группового процветания. Добро и зло совместно растут и совершенствуются; каждая из сторон благодаря и вопреки другой.

Что же остаётся? Разрабатывать, утверждать в поколениях иерархию духовных ценностей как естественную для человечества целостность. Это значит: воспринимать духовность в целом как высшую ценность (чудесное, священное, истинное) принимая все её элементы — каждый в отдельности и обязательно в связи с другими — как равноценные. Интенсивным духовным трудом утверждать индивидуальные и групповые ценности; твёрдо верить-знать-помнить, что личный труд-вклад — потенциально и актуально — может быть ключевым моментом всеобщего бытия. Идея служения — древняя по происхождению, инновационная применительно к любой эпохе, к каждому поколению — непреходящая ценность; духовной активностью личности возникает, возрастает и осуществляется человек, его уникальный мир.

Список использованных источников:

1. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): пер. с нем. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
2. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения: пер. с англ. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
3. Религиозные конверсии в постсекулярном обществе (опыт феноменологической реконструкции): кол. монография / под общ. ред. А.Х. Бижанова. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2017. 431 с.